

Ермизин. Е.И.

*Темная Сторона
зеркала*

Евгений Ермизин

Тёмная сторона зеркала (P.S.)

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ермизин Е. И.

Тёмная сторона зеркала (P.S.) / Е. И. Ермизин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Мальчик оказывается наедине с загадочным и волшебным миром. С миром, который живёт по одному, известному только ему закону. В этом мире нет ничего живого, и одновременно всё что в нём есть, всё это оживает на глазах у мальчика. У всего этого есть и душа, и мысли, и эмоции. И даже больше того, в этом мире оживают и мысли, и страхи, и эмоции малыша, и они воплощаются наяву, не оставляя мальчику больше никакого выбора, как побороть, как преодолеть их. Мальчику предстоит преодолеть путь, который прокладывает для него тропинка, и мальчику предстоит преодолеть препятствия, которые предстают перед ним, родившись и его собственного воображения. И что ждёт мальчика в конце его пути, представить себе это, не в силах ни одно воображение.

© Ермизин Е. И., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Введение.	5
Тёмная сторона зеркала.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Введение.

Разбитая скамейка, изрисованный всякими глупостями, в том числе и нецензурными, забор, совсем ещё новенькая и блестящая детская площадка, и недавно уложенный асфальт. Экскурсия по двору подходит к концу.

Во двор заехал самосвал. Высыпал песок, где вздумалось, и на том спасибо. Кто по сознательней, в общем они сколотили вокруг этой, будь она не ладная, свалившуюся не с неба, но с самосвала кучи песка, аккуратненький заборчик. И им, тоже, спасибо.

Этот заборчик, его теперь каждую весну красят. От песка, осталась одна куча, и мусора и того, о чём совесть не позволит, назвать это мусором. Грязь! С утра, дворник обходит это место стороной, оно и понятно, брезгует. Днём, его разве что не обходят, всякие там дворняжки, частые гости нашего с вами двора. Под вечер, оно становится камнем преткновения перед наострившей все свои чувства в сторону светлой и счастливой жизни, молодой и по-прежнему считающей себя ещё молодой порослью. Будущей опорой и надежей всего нашего общества. Основное действие первой сцены, происходит не вдалеке от детской песочницы.

Супружеская пара, как сейчас можно сказать, немного навеселе, возвращалась, по всей видимости, с хорошей пирушки. В чём была суть самой вечеринки, и насколько сильно зашкаливал на ней градус веселья, всё это можно было только лишь предполагать, но точно было и то, что молодые люди по-прежнему продолжали находиться в игривом состоянии, и всем своим видом требовали продолжения банкета, хотя время уже было позднее и мероприятие в котором они принимали участие, судя по всему, обещало долго жить. Казалось бы, во всём случившемся нет ничего удивительного, и подобные этой занятные парочки достаточно частое явление на наших улицах, но всё же у этой парочки, была одна очень щепетильная изюминка, если конечно так можно отозваться о ребёнке, который еле волочил своими крохотными ножками, за своими развесёлыми родителями.

Мальчишка, мягко сказать был не в восторге от, по всей видимости, ждавшей его перспективы и в дальнейшем следовать прихоти своих неугомонных родителей. Его лицо было сильно измучено, а глаза буквально смыкались на ходу, проще говоря, во всём его виде, отчётливо проявлялась глубокая усталость, и это совсем не удивительно, ведь ребёнку с его неокрепшим организмом, сложно вынести многочасовую попойку и бремя нахождения в большой шумной кампании, даже если и учесть, что он, несомненно, сам не принимал во всём этом действии прямого участия, а оказался лишь несчастным свидетелем устроенного взрослыми праздника.

Сомнений быть не может! Ребёнок всем своим видом старался обратить на себя внимание, пытаюсь хоть как-то воззвать к благоразумию своих непутёвых родителей, что впрочем, не увенчалось никаким успехом, и его раззадоренные мамочка с папочкой, с превеликим удовольствием абстрагировались от его капризов, где нужно отметить вполне обоснованных и справедливых, что не всегда бывает в этом эмоциональном возрасте, и счастливые от наступившей долгожданной свободы от забот над своим любимым чадом, не преминули возможности завязать разговор с встретившимися на их пути знакомыми, такой же молодой парочкой, только без ребёнка. И теперь уже, весело перебирая перипетии недавно прошедшего веселья, обе парочки окончательно отстранилась от ребёнка, вверив его самому себе на поруки, что, несомненно, не может служить примером для молодых родителей, и подобное отношение к своему малышу, следует отметить в высшей степени порицания.

Мальчишка же в это время, отчаявшись достучаться до затуманенного алкоголем разума своих папочки и мамочки, и уже окончательно утратив всякую надежду на скорое избавление от причиняемых ему мук, проявил своенравие, и оставив своих родителей наедине с приятелями, на что они даже и не обратили своего внимания, с накупившимся видом отправился в

сторону вожаденных сейчас для него дома и кровати. И неизвестно, куда бы он забрёл, так же как и неизвестно, чем бы вся эта история закончила, если бы внимательные жители двора, в котором и происходила вся эта история, и которые пристально следили за её развитием, не остановили мальчика в наступившем у него порыве возмущения, и не обратили внимание его родителей на их недолжное поведение. Что удивительно, так эта парочка ещё осмеливалась себя оправдывать, и когда её уже буквально принудительно отстранили от развесёлого разговора, и буквально вынудили обратить внимание на своего малыша, занявшись им, а не своими второстепенными, и прямо скажем не слишком то и высокими побуждениями, у мамочки с папочкой, хватило ещё и наглости, а может и сумасбродства, боюсь что подобному поведению сложно дать достаточно точную характеристику, так вот отступившись перед попытками оправдать себя в лице жителей двора, и подчинившись скорее их нравоучениям, чем проснувшемуся в себе рассудку, парочки хватило стыда, чтобы обвинить в своём неудавшемся вечере, своего же малыша, где молодая мамочка, абсолютно искренне обвиняла его, в том что ему и не стоит жаловаться, ведь в то время как его родители не жалея себя по полной программе отрывались на вечеринке, он якобы спокойно свернулся калачиком, где-то в стороне от них, и мол ему и нечего теперь жаловаться, а наоборот стоит пожалеть их, которые сутки не смыкали глаз, и уж кто-кто, а если кто-то и должен был из них устать, так это родители, а не малыш.

Безусловно, история в крайней степени возмутительна, и не скрою, что во мне она вызвала бурю негодования и непонимания, проще говоря, я позволил себе высказаться не в самых лицеприятных тонах относительно этой молодой парочки, хотя может кто-то и не будет столь категоричен, и для кого то эта история покажется не больше, чем очередной забавный случай с подвыпившей семейкой, а совсем не поучительной, и совсем не стоящей того, чтобы заострять на ней своего внимания, но это мы уже оставим на их совести, как впрочем, и моя совесть не позволила мне оказаться безучастным к этому случаю.

Находясь под впечатлением от услышанного рассказа, меня настигли раздумья. А ведь и вправду, современная молодёжь, находясь под влиянием окружающих её соблазнов, и вступающая в взрослую жизнь, при этом внутри себя ещё оставаясь детьми, находясь под влиянием гаджетов, социальных сетей и прочих ново инновационных технологий, легко ввергающая себя во всё новые и новые эти вновь входящие в нашу с вами жизнь зависимости, но при этом оставаясь верными прежним устоявшимся социальным нормам, продолжая создавать семьи и растить детей, и при этом, будучи ещё не оперившимися в столь деликатном вопросе, как воспитание юного поколения, зачастую не уделяет должного внимания столь существенному аспекту семейной жизни, и предпочитает скрыться от возложенных на неё обязанностей, за беззаботной и столь увлекательной завесой, во многом обрекая своих ещё юных чад на бремя отрешённости и одиночества, и во многом оставляя их наедине с собой, ограждая их от всего буйства красок и разнообразия ещё неизведанного ими мира, за частоклом воображаемой жизни, что каждый ребёнок, с присущей ему фантазией и выдумкой рисует внутри своего сознания, и что ещё неизвестно, как отразится на его дальнейшей жизни. Безусловно, кто из нас в детстве не представлял себя бесстрашными героями стародавних былин, и кто из нас с вожадением не ввергался во власть своего воображения. Но все мы отчётливо разделяли окружавшую нас выдумку, от происходящей реальности, и признаться, происходящая реальность, с её озорными играми, с постоянным познанием чего то нового, с атмосферой всеобщего внимания и заботы, меня устраивала куда больше, чем порой проникающая в гости к моему сознанию, надуманная и завлекающая жизнь, формирующаяся исключительно возможностями моего воображения. Но так было в моём детстве, и стоит отметить, что тогда время было не в пример сегодняшнему, и уж нашим то родителям, и вправду было о чём позаботиться и помимо нас, но к чести их, это никогда не становилось причиной оставлять нас без внимания, и они постоянно находили способ, как выйти из возникших трудностей, не ущемив не нашей свободы, ни нашего душевного равновесия, да и ко всему прочему, вряд ли мы могли даже

представить себе, что наши родители бы ещё и ставили нам в вину, собственные же недостатки. Но это тогда, а вот сейчас, абстрагируясь, не в пример нашим родителям, от собственных чад, мы возможно обрекаем их на, как бы грубо это не прозвучало, участь социальной неполноценности, заключая их с детства в рамки того созданного нашими детьми мира, который не имеет ничего общего со сложившейся реальностью, и от которого, ребёнку, так сложно будет отстраниться в его будущем.

Конечно, всё выше сказанное можно списать на излишнюю эмоциональность автора, через чур близко к сердцу принявшего на свой лад когда-то услышанную им историю, либо ещё на какие либо причины, побудившие его столь опрометчиво откликнуться на, пожалуй что, столь банальный и обыденный, случай из нашей с вами жизни. Так тогда то и не стоит на этом заострять своего внимания, в конце то концов, это ведь наши дети, к тому же они нас по-прежнему любят, и значит мы всё делаем правильно. И раз уж на то пошло, давать советы родителям воспитывающим своё чадо, это дело конечно не благодарное. Хотя здесь не стоит забывать и о том, что их ребёнку уготовлена участь стать частью нашего общества. И вот в этом то уже, на мой взгляд, не следует на столько превозносить собственное Я.

Так вот, оставив ребёнка наедине со своим воображаемым миром, разве мы можем быть уверены в его безопасности, разве мы сможем проконтролировать всё с ним там происходящее, и наконец, разве мы сможем предугадать, кем он из него выйдет? И вообще, что это за такой мир? Может быть это сказка, может быть это стародавняя былина, а может и быть, что это миф?!!

Тёмная сторона зеркала.

Всё это произошло из ничего и ничем всё это обернётся. Таков суровый закон мироздания и в этом и есть его природа. Сначала была темнота и сначала была пустота, и всё то, что мы знаем, всё это произошло от этого, и от этого нам никуда уже и не деться, так же как и без этого, без этого не было бы и нас. И мы, мы дети этого, и под стать всем детям, мы оставляем своего родителя, отправляясь в дорогу за своей правдой. И мы живём каждый со своей правдой, и для каждого из нас в этой правде и заключается вся его жизнь, для каждого из нас из этой его правды и состоит предстающий перед нами мир, и у каждого из нас есть свой мир. И как без нас, не было бы этого мира, так и без этого мира, не будет уже и нас. Уходя от своих родителей, мы разрываем с ними свои прежние отношения, и то что связывает нас с ними, с этой поры не больше чем крепкий сон, приходящий в гости тёмными ночами, он проходит для нас мимолётно, а наша память запечатлит в себе лишь только скудную часть от посетивших нас сновидений. Только то, чему суждено было подарить нам яркие впечатления или пробудить в нас сильные переживания, по-прежнему остаётся для нас связующим звеном между нами и нашими родителями. Но это для нас. У наших родителей всё иначе, у них всё перевёрнуто вверх дном, то что для нас во сне, для них это всё на Яву, и они ждут не дождутся, когда же наконец в нашем мире вновь настанет ночь, когда же наконец мы приклонимся перед её непререкаемым господством, и когда же наконец с наступлением нашего сна, их постигнет долгожданное счастье пробуждения ото сна своего. И нет таких родителей, которые бы не желали очутиться в одном с нами мире, как нет и таких родителей, для которых не было бы желанным, чтобы этот мир был бы одним с ними миром, но правда и в том, что нет таких родителей, которые бы не желали, чтобы это был их мир. И так же и темнота, она на протяжении всей нашей жизни незримо сопутствует нам, навещая нас с наступлением ночи, в тот час, когда нами овладевает сон. И темнота, она так же желает, чтобы мы вернулись в её мир. И она терпеливо ждёт этого, и пока этого не случилось, она навещает нас по ночам, и только по ночам она пробуждается ото сна, и только по ночам она живёт на Яву, а то что днём, то что днём, это для неё всё только сон, но для нас, для нас всё то что днём, только всё это и есть на Яву, и без этого, без этого нам остаётся только темнота. Таков суровый закон мироздания. Всё произошло из ничего и ничем всё это обернётся и в этом и есть правда.

Повесть.

Мальчик, неподвластным нашему разуму образом, очутился, несомненно, по раззадоренной весёлым нравом, прихоти одного из всемогущих Богов, на берегу, усыпанном мелкой крошкой гладкого овально видного белого щебня, на берегу, распростершемся до самого края обозримого нами света, распростёршегося до туда, где земля сплетается в своих объятиях с нескончаемым небом, и где находят завершение её необъятные границы. И то, как там очутился мальчик, об этом, нам уже никто и не скажет, но несомненно это было по прихоти Богов, и несомненно, иначе и не могло быть.

Мальчик, был самым обычным ребёнком. Его пухлые щёчки раздавались румянцем, а его широко раскрытые глаза, жадно впитывали все краски, доселе неизведанного им мира. Он, несомненно, был таким же неуклюжим и забавным малышом, каким бывает каждый в его возрасте. И, несомненно, таким же был и ты, и в этом ты смог бы найти много общего с этим мальчиком, и если приглядеться к его внешности, его манерам и его поведению более пристальней, то в этом всё, ты найдёшь много общего с собой. И этот мальчик, теперь уже напоминает тебе, самого себя, и от всего этого ты ещё больше проникаешься к нему симпатией и заботой, и если приглядеться к этому мальчику совсем пристальней, то он уже напоминает тебя больше, чем кого либо другого, и ты уже и не сможешь сказать, что этот мальчик и ни есть ты.

И с этого самого берега, на глазах у мальчика, возносились, задевая, своими недостижимыми вершинами, беспрестанно парящие в небесах нежные очертания облаков, могучие непреодолимые горы. Их склоны были ошетилены густым покровом хвои. И пронзая путников, что так неосторожно подбирались к её ветвям, своей, словно кинжалы, острой, иглоподобной листвой, хвоя отстраняла их от непозволительной для себя близости. Но и среди заповитой, своей неприветливой внешностью, хвои, здесь изредка, гордо возвышались, отталкивая настырных колючих соседей, могучими вековыми ветвями, древние одинокие дубы. В шуме рвущейся на берегу волны, то и дело вздымающейся разрушительной стеной, встающей вровень, напротив врезающимся в берег, могучим утёсами, и разбиваясь в брызги о их нерушимые каменные тела, и после чего возвращаясь обратно в лоно Океана, и тогда твоё сознание постигли до боли знакомые напевы, навеянные мальчику ещё с младенчества, напевы, напоминающие мелодии доносящиеся от пасущейся овечьей отары, напевы, что так вдохновенно и незатейливо наигрывают задорные юноши на его родине, и в тон ритма которых, так самозабвенно разносятся в протяжном блеянии, тучные пышно рунные овцы. И теперь мелодия, взбудораживающая, в твоём сознании, воспоминания из беззаботной и счастливой поры, постепенно усиливалась, мысленно подготавливая тебя, к в скором времени, возможно предстоящей для мальчика встречи, позволяющей нам, хоть на немного подобраться ближе к разгадке окутавшей его тайны.

На небольшой горной полянке появилась отара овец. Огромный старый баран, величаво рычал наслаждаясь своей властью и превосходством, над покорно склонившей пред ним выи, его многоголосой паствой. Гордо неся над собой увенчивающую его бессознательное чело сплетённую из рог корону, он с невозмутимым видом направлял послушных овец в глубь поляны. Вскоре вся отара, неторопливо волоча копытами, заполняя, незыблемую тишину, блаженно обволакивающую то дивное место, бессмысленным и назойливым блеянием, то и дело, покусывая друг друга, в борьбе за более сочную лужайку, распространилась, в белоснежном ревушем облаке, по всей поляне.

Непреклонно следуя, за вверенным, на суд его, непрестанно обволакивающего, взора, отарой, с горделиво поднятой головой и купающимся в возложенной на него власти, с видом полного достоинства и невозмутимости, шёл истинный владыка над этими бессознательными животными. Повиливающий над этой неразумной сворой пастух, был сильный широкоплечий юноша. Его стройное тренированное тело, прикрывала лишь, обёрнутая вокруг, овечьих бронзовыми мышцами, атлетичных бёдер, набедренная повязка из хорошо обработанной овечьей кожи, некогда убиенной им бездумной твари. Над его прекрасным светлым ликом, в гармонично переливающихся золотым отливом, словно морская волна, развеянных, под порывами игривого ветра, локонах волос, скрывая под своими, создающими тень, защищающую его тело от пристального внимания небесного светила, широкополыми краями, была водружена, сияющая в ясных лучах солнца, соломенная шляпа.

Подстёгивая, безропотных овец, разносящимися долгим затяжным эхом, по всем горам, ударами тонкого звонкого прута, при каждом взмахе которого, раздавался хлёткий свист, призывающий тучных и своенравных животных, подчиниться каждому, кто бы не обладал, этим, рассекающим овечью кожу до крови, прутом, пастух стал подгонять их, столь обычными для слуха мальчика, призывами. -Пшли. Пшли. Пшшшшлиии...-

Лишь только пространство заполнилось знакомым звучанием родной речи, а чистый и звонкий голос, явил на свет и своего обладателя, подобающего своему голосу, светлого и открытого, молодого юношу пастуха, тревога и взволнованность за судьбу оставшегося одного в незнакомом мире мальчика, потихоньку начинающие подбираться к самому сердцу, постепенно стали растворяться, в становящейся всё больше и больше привычной обстановке, и в конце концов безмятежное спокойствие окончательно проникли в освободившиеся от терзающей неизвестности мысли, будто бы приглашая разделить с ними все прелести постепенно

наступающей убаюкивающей меланхолии. Теперь это уже несомненно, несомненно, что мальчика постигла участь, очутиться в заложниках у скверного чувства юмора его товарищей. Видно, его приятели, беспечные забияки, не преминули шансом использовать столь заманчивую возможность, и воспользовавшись окутанным, в сладкий и беспробудный детский сон, сознанием мальчика, перенесли его на этот самый берег. И разве теперь у нас есть повод для беспокойства? Теперь, когда всё похоже становится на свои места, и несомненно, как и у всех бывало в детстве, эти взбалмошные и гораздые на выдумку мальчишки, тихо выжидают за одним из громадных камней, столь часто усеивающих этот берег, или может быть, спрятавшись в тени, вечнозелёной хвой, или ещё где, ведь разум ни одного взрослого человека не превзойдет на выдумку разум ребёнка, в таком щепетильном вопросе, как найти для себя, где бы спрятаться. И они теснятся в этом скрытом от посторонних глаз месте, еле сдерживая себя чтобы не взорваться от смеха, при виде всего страха и недоумения вот-вот готового проявиться на лице у попавшего в их остроумную проказу приятеля. И тут то, побуждаемый своим сознанием вернуться, в от рождения близкие и родные окрестности, застигнутый врасплох и всполошённый настолько радикальной сменой обстановки, но подсознательно осознавая случившийся с ним подвох, и не признавая реальность оживающих в его сознание, свирепых сказочных чудовищ, тех самых, что теперь так нещадно восставали в его мыслях из страшных историй, которые он так любил слушать перед сном, тут то, подсознательно чувствуя, а может и ничуть не чувствуя, но веря, веря что он прав, и что всё это не больше чем шалость, и что всё обернётся для него благополучно, мальчик бросается сломя голову, к еле заметной непрерывно возносящейся вверх тропе, возносящейся до самых облаков, пышнобоких небесных кораблей, то и дело причаливающих к горным вершинам, и он вот-вот скроется в густо растущей хвой, и его приятели, те что так самонадеянно с ним поступили, и они тоже, вот-вот выберутся из своего тайника, и конечно они высмеют его за трусость, и конечно они ещё долго будут подражать его поведению, кривляясь перед друг другом, и само утверждаясь за счёт несчастного мальчика, и всё это случится вот-вот. Но всё это случится, если только конечно там и вправду кто-то прячется.

Но там ни кого и не было, и никто не выбрался от туда, и мальчик, всё так же безумный от неожиданного чувства наступившей тревоги, всё больше и больше поддаваясь оковам нещадно опутывающей его паники, поспешно проник в лоно нависшего над ним древнего хвойного леса. Он поспешно выбрал для себя путь, прокладываемый этой еле заметной тропой, и его следы теперь рискуют навсегда затеряться на её протяжённом пути, и его следы теперь рискуют затеряться среди непроглядных хвойных ветвей, и он поступил так, как поступил бы каждый мальчик на его месте, и он поступил так, как поступил бы и ты, и на всём этом и стоит его мир, и во всём этом и есть он. А он, он так похож на тебя. А он, разве теперь скажешь, что он, это и ни есть ты? А эта тропа, теперь это тропа стала его путеводителем, теперь она, и только она, проложит для него дальнейший путь. И то, то что будет дальше, это теперь тоже знает только эта тропа, и теперь только эта тропа и знает, чем закончится путь мальчика.

Но сейчас, сейчас, когда он прокладывает свой путь, среди нещадно пронзающих его тело ветвей постоянно бодрствующих древ, томящие разум сомнения, вновь опустились в сознание, нарушая его вновь взбудоражившими разум невесёлыми мыслями, дотоле умиротворенный ход бытия. Причиной всего постигнутого, служил развеянный по всей окрестности, духом погибели и увядания, неотвратимо проникающий в грудь, с наполняющими её глубокими вдохами, нестерпимый гниющий запах. Этот разъедающий лёгкие запах, этот запах чувствовал и мальчик, и от этого запаха, тревога с новой силой взыграла в его сердце, и от этого запаха, его мысли всё сильнее и всё сильнее поддавались оковам окутывающего их тумана, и ничего в этом запахе не предвещало ему спасения, и подсознательно, и подсознательно мальчик чувствовал, он не ощущал этого, и он не понимал этого, но он точно чувствовал, что этот запах не сулит ему ни чем хорошим. И чем выше к небесам простирался утомительный его путь,

тем всё отвратительней и сильнее, становилось, впивающееся, сквозь его ноздри, и оставляющее, привкус скверной тухлятины на горле, прогнившее дыхание испускаемое этим местом, и теперь то, теперь то даже и мальчик, несмышлёный малыш, теперь даже он стал понимать предвестником чего может быть этот запах, и этим то и веяло теперь в воздухе, и вот что теперь чуял мальчик, и вот что он теперь чувствовал.

Но он ведь всего лишь мальчик, всего лишь нерешительный и застенчивый мальчишка, и разве он виноват, разве он виноват, что судьба разыграла с ним эту жестокую комедию, и разве он виноват, что судьба главную роль в этой комедии оставила именно для него, и что он теперь может поделаться, что может поделаться маленький мальчик, если сама судьба насмеяется над ним, и что теперь может поделаться маленький мальчик, если эта комедия, выходит для него драмой. И покоровшись неминуемому року, и покоровшись беспрестанно текущему, завещанному с начала времён, ходу времени, и покоровшись справедливому и непререкаемому суду Богов, и покоровшись и всему другому, всему тому, что могло запечатлеться в его маленькой головке, и всему тому, что не за что в жизни не смогло бы поместиться в голове у взрослого человека, но то что комфортно смогло найти себе место в голове у ребёнка, всем страхам и предрассудкам, всем слабостям и переживаниям, и наконец покоровшись ведущей его по дороге в неизведанное, но зато настолько твёрдо и уверенно лежащей под его робкими и неуверенными шажочками тропе, мальчик смиренно следовал, по ведущему его пути.

И всякая тропа, да к чему ни будь выведет, не всякая тропа заведёт тебя в тупик, но всякая тропа тебя обязательно к чему ни будь выведет, и пусть даже это будет тупик, но она обязательно тебя к нему выведет. И та тропа, что была у мальчика, и эта тропа тоже к чему-то вела, и с неё уже не было куда свернуть, а мальчик, мальчик забрался по ней уже так высоко, что теперь уже и нельзя было повернуть обратно, да и там, там, что он оставил позади, там уже тоже ничего не было, а вот впереди, впереди всё могло ещё быть, и мальчик поднимался всё выше и выше, он поднимался по тропе, пока её непредсказуемая извивающаяся нить, не привела к раскинувшейся среди могучих каменных стен возносящейся ещё выше к небесам отвесной пикообразной скале, и эта скала служили надёжной опорой и нерушимым приютом, для удобно размещившейся небольшой, воспарившей словно птичье гнездо среди белоснежных облаков лужайки. И для мальчика она уже была больше чем лужайка, и для того кто настолько измотан тяжёлым подъёмом на вершину, да и для того, на чью долю просто выпадало в жизни преодолеть долгий и трудный путь, и для них она бы не была просто лужайкой, но мальчик, мальчик то преодолел такой сложный подъём, и мальчику, ведь ему пришлось преодолеть не только подъём, ведь ему пришлось ещё и пережить такие неприемлемые в его возрасте потрясения, и для него это уже больше чем лужайка, и для него она теперь намного роднее чем просто лужайка, и став родной, теперь она ему уже и напоминает родину, и теперь она ему уже и напоминает дом.

И это дивное ощущение нового дома, оно стало всё сильнее и сильнее завладевать мальчиком, и от этого ему здесь стало спокойно и уютно, и от этого его сознание очистилось от дурных мыслей, и от этого его воображение засверкало в красочном сиянии, и от этого всё здесь для него стало как родное, и от этого, всё, всё это, всё это он видел, как родное, и теперь он чувствовал, что и он родной для всего этого. И мягкий покров теперь родной для него лужайки нежно ласкал его колени, а завораживающе шелестящая трава, почтительно приветствовала мальчика, склоняясь перед ним под лёгкими дуновениями тёплого ветерка, а перед глазами мальчика стояла дивная картина цветущего и завораживающего его воображение мира. И окаймляющая, в расплескивающихся отблесках солнечных лучей, отражающихся, от покрытых оледеневшим снежным покровом, словно усеянных несказанным множеством, переливающихся в своих гранях, кристаллов, раздающаяся сияющим заревом, корона, уже очерчивала границы простирающейся под ней жизни. Нависшее над представшим на глазах у мальчика

миром, зазывающее в своё лоно, недостижимым девственным естеством, голубое без брэнное небо, явилось безмолвным свидетелем, запечатлённых, детскими глазами, прикрас.

Берущая своё начало, от подножья столпом возносящихся до самых небес гор, необъятная одним лишь взором долина, разноцветным цветущим садом, простиралась окутанная блаженными зачаровывающими ароматами, выветрившими начисто из сознания ребёнка этот зловонный запаха, своей глетворной сутью, доселе стоящий уродливым памятником пройденного в его сознании. Могучие скалы, словно древние великаны, закрывали лоно, раскинувшейся, под их непрестанной защитой, долины, своими непроглядными и непреодолимыми каменными телами, стойко отражая неотвратно возобновляющиеся нападки бушующих вихрей неудержимого Ветра и разрушительных волн беспредельного Океана. Рассекая, своими струящимися течениями, нежную плоть раскрывшейся на глазах у мальчика во всём своём непревзойденном естестве долины, насыщая живительной влагой, землю, привнося свою благоговейную силу, даже в самые слабые и неокрепшие, стебельки, протекала стремительная горная река. Истоки той реки, с незапамятных времён, брали своё начало, от полноводного озера, неуёмно сбиравшего, под полон, своего непрестанно страждущего ненасытного чрева, каждую, даже самую скудную струйку, растопленных, под пламенными лучами солнца, укутавших, вершины непреодолимых гор, расплескивающихся в ослепительном сиянии, льдов.

Разливаясь, преодолевая, смыкающиеся в перстах, каменные объятия горного озера, из полноводного лона его ненасытного чрева, начинали свой, проложенный в веках, непрерывный путь, резвящиеся течения, благодатной реки. Ясные солнечные лучи, пронизывали её светлые, беззастенчиво прозрачные воды, согревая своими ласковыми прикосновениями, гладкое, словно выложенная искусными мастерами, мощёная брусчатка, отсвечивающееся в свете солнечных прикосновений дно. И проникая в струйки, непрерывно резвящихся, то игриво обгоняющих друг друга, а то и вовсе, сплетающихся в одно целое и вновь распадающихся, расплываясь в разные стороны, течений, лучи солнца, переливались в дивном свечении, озаряя своим сиянием, расплёскивающиеся в небесном свете, воды реки. Исходящий же, из её первозданной сути, лёгкий холодок, пробуждающей разум, свежестью, простирался от полноводного лона реки. Подхваченный слабым дуновением, он разлетался по всей долине, создавая в ней атмосферу только зарождающегося дня, хотя солнце, к тому времени, уже зашло к зениту своего испепеляющего могущества, возвещая, своим нескончаемым неистовством, всему простирался под её пронзительными лучами, миру, о неминуемом приближении заката, несущего следом за собой, беспробудную тьму.

Но когда всё вокруг цветёт и играет, когда окружающий тебя мир, раскрывается перед тобой во всём разнообразии палитр своих красок, и когда весёлые напевы процветающей в нём природы, завладевают твоими мыслями, тогда и у тебя на душе царит спокойствие и безмятежность, тогда и твоё сердце расцветает на фоне окружающей тебя природы, и тогда и из твоих уст вырываются весёлые мелодии озорных напевов, и что тут говорить, тогда ты совсем не думаешь о тьме, и что тогда говорить о мальчике, также не думал о тьме и мальчик. И мальчик, с присущей только ребёнку открытостью и наивностью, широко раскрыв свои чистые незатейливые глазки, и то и дело перемигиваясь с разыгравшимися солнечными лучиками, вожделенно впитывал в себя этот мир. Он полюбил этот мир, как может любить только ребёнок, он полюбил его искренней и безвозмездной любовью, и впитывая этот мир всё сильнее и сильнее, мальчик уже и не замечал, как сам становится частью этого мира, а если даже и замечал, так ведь теперь этот мир для него родной, ведь теперь этот мир зовётся его домом, теперь мальчик и сам, есть этот мир, и теперь этого мира уже и не будет без мальчика, и без мальчика, останется одна только тьма. И хоть всё вокруг и говорило, лишь о начале вновь зарождающегося дня, но солнце то, ведь солнце то уже было в зените, а дальше, а дальше обязательно будет закат. Все миры живут по одному закону, за рассветом идёт зенит, за зенитом идёт закат, а за закатом,

наступает тьма, и потом всё заново переигрывается, и всё снова возвращается к рассвету, но за закатом, за закатом всегда наступает тьма. А сейчас, сейчас солнце уже в зените.

И сейчас солнце, как нельзя лучше освещает этот мир, и всё то, всё то что осталось после тьмы, всё то, что нельзя было разглядеть на рассвете, всё это теперь как нельзя лучше проявляется в солнечных лучах, и всё это теперь тоже этот мир, и мальчик, и мальчик теперь тоже всё это, и это стало видно только сейчас. И вот теперь, под сенью безбрежного недосягаемого неба, кое в веках будет безмолвным свидетелем, неотвратимой истины, наших сегодняшних взоров, нашёл свой покой кроваво красный каменный скелет, некогда, всецело процветавшего, непревзойдённого, в своём великолепии и доселе, ныне беззаветно покоящегося града. Бесследно проникающее, по уже давно, словно обескровленные вены, безлюдным улицам, неугасающее дыхание ветра, нехотя заволакивало, обезличенный град, уже долгие годы обивающим его крепкий скелет забвением, безмерной тьмой вездесущих песков, неминуемо придававшим его нерушимую суть вечному забытию.

И даже если, может быть по нерушимым заветам нескончаемо текущего времени, и даже если, может быть по неукротимой прихоти беспристрастного рока, который неминуемо сопровождает нас по дороге к вечному забытию и забвению, судьба не раз прокладывала твой путь, чрез величайшие города нашего мира, и даже если эти возбуждающие разум людей города увенчали себя немеркнувшей славой, и даже если чудесные рассказы о красоте и богатстве которых, на протяжении многих веков воодушевлённо распевались странствующими поэтами, далеко за пределами границ подвластного их правителям мира, так знай, не было среди них не единого, который даже застигнутый в часы своего рассвета и могущества, в часы о которых и по сей день воспевают потомки его благородных сынов, либо в часы, память о которых навсегда скрылась в непроходимых песках времени, как скрылось, занесённое песком времени, и его последнее поколение, так вот, не единый из этих городов, не мог сравниться даже с уже увядающим, под нещадно палящими солнечными лучами, но по прежнему возвышающимся в центре цветущей долины, обрамлённым, словно созданным исключительно для него миром, и пробудившимся в глазах у мальчика, Акрополем.

И мальчик взирал на сей ослепительный град с высоты своей родной лужайки, и мальчик взирал на сей ослепительный град с высоты своего нового дома, и вздымающиеся до самых небес могучие горы, пронизывали на его глазах, своими острыми словно наконечники бранных копий вершинами, неповоротливые белоснежные небесные корабли облака, и на его глазах, словно взятая в полон невинная дева, стесняемая всей роскошью трав и цветов, будто бы одаренная грудой бриллиантов и изумрудов, терзаемая неволей долина, растрчивала всю свою молодость и красоту, на неотъемлемо сопутствующий её светлому образу, и вытягивающий из неё, словно бездушный паразит, зачатки живительной силы, Акрополь. И горы, горы теперь уже не казались мальчику горами, теперь для мальчика они были невозмутимыми надзирателями, непреодолимым каменным частоколом, извечно стоящими на страже, и беззаветно состоящими на службе у изветшалога старика, доживающего последние часы уготовленного ему времени Акрополя. И теперь, теперь когда мальчик жил в этом мире, теперь, теперь когда этот мир стал для него родным, теперь, когда это уже был его дом, и теперь, когда мальчик сам и был этим миром, вот теперь, теперь то уже эти горы стояли на страже не только у долины. Как раз сейчас-то у них теперь и прибавилось службы. Но эти горы, эти горы и как прежде всё ещё состояли лишь на одной службе, и как и прежде служили они лишь одной цели, и эти горы, эти горы они тоже были всем этим, эти горы они тоже были этим миром, и теперь то мальчик уже и не понимал, для кого всё это, теперь то мальчик уже и не понимал для кого этот мир, но мальчик, мальчик, он ведь уже и сам стал всем этим.

И что сейчас могло происходить в голове у мальчика? Что обо всём этом, мог сейчас подумать маленький мальчик? И что этот мальчик знал о нашей жизни и какой она для него была, эта самая наша жизнь? Ведь с самой колыбели мальчик затаив дыхание, переживал в

своём раскрывшемся воображение впитываемые им рассказы о небывалых царствах, и неизведанных землях, и воображение вновь и вновь переносило малыша на палубу подталкиваемого лёгкими дуновениями ветерка весело рассекающего голубые волны морей и океанов неутомимого искателя приключений маленького и юркого кораблика Арго, и малыш уже не раз стоял у его штурвала, а его бесстрашный капитан Ясон, не раз указывал малышу своей могучей и огрубевшей от непрерывной борьбы с бурей и ветром рукой, верное направление, и каждый раз, малыш и Ясон, изо всех сил вглядывались в глубь горизонта в поисках столь вожаемого Золотого Руна, и малыш, стоял тогда приложив свою крохотную ладошку чуть выше его щурящихся глаз, а отражающийся в прозрачных волнах океана солнечный свет, тогда так настойчиво впивался в его глазки, всеми силами препятствуя малышу привести Арго к намеченной цели. И вот в этом мире, вынесенным им из сказочных приданий и стародавних былин, в этом мире, что он усвоил из народных эпосов и из древних мифов, так вот в нём были и меч Клоднец, в нём были и скатерть самобранка, и шапка невидимка, и она тоже из этого мира, а ещё в нём были и Медуса Горгона, и пёс Цербер, и вообще неизвестный науке зверь Сфинкс, и они тоже все были в этом мире, и маленький мальчик, в этом мире был и сам маленький мальчик, и для маленького мальчика и этот мир был настоящим, и он не знает второго такого настоящего мира, для мальчика есть только один лишь мир, и именно в этом мире мальчик и живёт.

И для мальчика теперь это несомненно, для него это несомненно, что всё то, что вокруг него, всё это не просто так, и всё то, что вокруг него, у всего этого есть своё объяснение, и несомненно к этому приложена чья то рука, и мальчик, он уже и не сомневается кто приложил к этому руку. Ведь всё происходящее с ним, ведь всё это происходит несомненно по благой прихоти бессмертных Богов, и ведь это именно Боги рассудили проложить его путь именно так. А если не Боги, то кто ещё иначе? Иначе и не может быть, и это несомненно были именно Боги, и в этом то уже мальчик и не сомневался. И его воображение, словно по неуловимому сигналу, подхватило вновь формируемый в его юном сознание мир, и уже вне всякого сомнения, недостижимые, для брэнного люда, границы этого затаившегося в тесных застенках растущего восприятия малыша мира, стали с неиссякаемым энтузиазмом расчерчивать свои новые особенности. И теперь, когда они высвободились наружу, теперь и мы смогли стать незримыми свидетелями всего завораживающего торжества детской фантазии. И где-то в потаённых комнатах детского воображения, где-то из этих недостижимых для нас с вами комнат, пристально следили за вверенным в их управление миром и вновь ожившие, восстав из запылившихся страниц древних книг, Всевидящие Небожители.

И с новым приливом фантазии, мальчиком теперь завладели и новые чувства, мальчиком теперь завладели и новые эмоции, и теперь он заново разглядывал созданный уже не своим воображением, а созданный Олимпийскими Богами мир. И словно золотая диадема, украшающая прекрасный лик невольницы, в кровавом разбое вырванной из объятий ласковых рук своих родителей, одним из всемогущих покровителей многочленного брэнного града, столь же одновременно чудесным и непривычным, смотрелся Акрополь, полонивший угасающую природную чистоту долины.

С четырёх сторон света зазывал он, утомившихся в изнуряющих странствиях путников, приглашая гостей разделить с ним бремя вечного одиночества. Торжественные врата, вздымающиеся над землёй в высоту нечеловеческого роста, безуданно готовы были поглотить, в ненасытное бездонное чрево града, лишённых воли, пред грандиозностью узранных чудес, завороженных, в смятении от доселе невиданного, странников. Вырывающиеся, словно языки из пасти хищного зверя, умящённые гладким камнем дороги, жадно вытягивались до необозримых пределов непостижимого нашему сознанию мира, коварно заманивая в, охваченные забвением и небытием, владения изнемогающего от невыносимых посягательств времени старика, истлевающего в песках забвения Акрополя.

Каждые из сих врат, представляли пред нашим взором в облике много чтимого и заповетного существа, с незапамятных времён прибывающего под покровительством без бранных Богов, неустанно служа в услужение их нескончаемой сути, за что и постигнувшего несметного поклонения и восхвалы от, чтящего Всевидающих Небожителей, благодарного люда, некогда удостоившегося божественной привилегии стать частью этого невообразимого града.

Нет счёта вратам открывающим, перед измотанными после долгого и изнурительного путешествия странникам, путь в сей град, как нет и счёта всем дорогам, которые в неисчислимом количестве долгой вереницей тянутся к звериным вратам Акрополя. И наконец, как и нет ничего общего между этими неисчислимыми вратами. Каждые из них по-своему неповторимые, как впрочем и в каждом из них заточён образ своего особенного зверя.

Пронизывающие холодные ветра, своими леденящими прикосновениями, несут в себе, безмолвные и невозмутимые странники, чей шлях, по предначертанным временем заветам, неуклонно блюдет злой рок, неукротимо ведущий сих людей к неотвратимым забвению и забыванию, простилая их нелёгкий путь, к последним вратам, призывающим гостей, уверенной поступью, проследовать в угасающее чрево Акрополя.

Недоброжелательным взором, навеки, в скованном камне намерении растерзать, кожного, позарившегося приблизиться к пределам подвластного ему мира, взъерошив, в праведном негодовании, свою благородную гриву, предостерегает, безбоязненных странников, о небытие, скрытом за кроваво-красными стенами града, бесстрашный слуга всемогущих Богов, непоколебимый лев.

И так, для каждого путника, занесённого судьбой под стены Акрополя, были уготовлены свои врата, и если бы судьба забросила бы и тебя под стены сего града, то и для тебя были бы уготовлены эти врата, и эти врата были уже уготовлены и для маленького мальчика, и эти врата, они уже ждали маленького мальчика, они уже манили к себе маленького мальчика, и в этом, видно может быть в этом и была его судьба, видно может быть в этом и есть его судьба, но нет, этого не видно, нет, там видно другое, нет, там видно совсем другое.

И теперь мы уже видим, и то что видим мы, это видит и маленький мальчик, но и это не правильно, ведь это то, то что видит маленький мальчик, ведь это и есть то самое, что и видим мы, а он, он, маленький мальчик, он сейчас видит не много, но то что он сейчас видит, для него сейчас и этого много, и мальчик видит, как прямо на его глазах, в тон тусклого свечения, подобного тому, что в глухой и непроглядной тёмной мгле испускает от себя всевидящее бледное око ночного светила, пересохшими обескровленными артериями, пронизывают истлевающее тело старика Акрополя безжизненные улицы града. И эти улицы, они как и в годы расцвета и процветания сего града, они всё так же тянутся своими высохшими от времени обезвоженными руслами к обессиленному сердцу града, и оно, потускневшее и съёжившееся, обречённое на мучительную пытку обездоленностью и одиночеством, отстукивает последние часы вверенного ему времени. Но даже обречённое на затухание, и в борьбе с безжалостным временем оставленное наедине только с собой, сердце Акрополя по-прежнему держалось обособленно от иных прозябающих органов истлевающего тела старика, сердце Акрополя, это источник его не утихающей жизни, это его центральный дворец, и оно и как и прежде, и ныне остаётся вечным символом могущества и богатства Властелинов сего града, и оно как и прежде, и ныне напоминает о многочисленности и разноголосии его необъятного народа. Но вот только не осталось ныне в этом граде больше Властелина, и нет ныне в этом граде и народа, и теперь, теперь сердце отбивает свои последние часы, прежде, вот только теперь прежде, чем остановиться, и такого, прежде здесь ещё не было. И ныне, и ныне здесь уже и не будет так как было прежде.

И теперь, словно, некогда, обильно окропленные горячей красной кровью, багряные стены, опустевших зданий, зловеще вздымаются из земли. И частоколы колоннад, препятствуют небытию отринуть из помещений и внутренних дворов, угнетающим забралом стоящие на страже забвения. И опустившиеся лики обездвиженных каменных изваяний, уныло

скрывают свою тоску в навечно застывших хладных мраморных очах, давно прозябающих в своих не избавляемых темницах, застенках мрачных некрополей, хозяев этих жилищ. И теперь, уже безвозвратно оставалось иссохшим искусственное русло каналов, в часы расцвета и процветания сего града, старательно проложенное от истоков стремительной животворной реки. И теперь, больше уже не будут её прохладные стремительные воды, берущие своё начало в пронизывающих пышные белоснежные облака, снежных вершинах стоящих на страже сией долины гор, наполнять своей живительной влагой иссохшие от обезвоживания поражённые органы старика Акрополя. И заваянные песками забвения каналы Акрополя, избавлены теперь они от струящихся, переливающихся в сплетающихся меж собой течений, пронизанных солнечными лучами потоков. И вот от чего так усохли и завяли лики этих каменных изваяний. На протяжении многих веков они беспощадно противостояли испепеляющему их солнцу. Но стоят теперь в запустение истощённые образы каменных изваяний, но стоят они теперь некогда почитаемые и превозносимые, и нет теперь тех, кто бы их почитал, и нет теперь и тех, кто бы их превозносил, ведь нет больше хозяев в этих жилищах, и нет теперь больше кому покровительствовать этим безжизненным каменным изваяниям, и нет больше своих покровителей и у безжизненных каменных изваяний, ведь нет больше хозяев в этих жилищах, и не журчат больше стремительные течения в каналах Акрополя, и высохли теперь и его артерии.

Всё пристальнее всматриваясь в оцепеневшую в запустении багряную тень, от некогда непрерывно бурлящих в своих, заполонённых людьми, венах и артериях, улиц Акрополя, возторг от угасшего, покорившего разум мальчика, величия, сменился на не обураемый ужас, коварно вкравшийся в его сознание. Непреодолимый страх вселился в его тело, не позволяя мальчику, как и прежде, безропотно следовать наказам возникшим в его разуме. В тот миг опустошающий образ забвения и забытия натужно опустился на его лик. И терзаемый, невыносимо стремящимся вырваться из груди, сердцем, он отринул свой взор в сторону от Акрополя и долины. Беспokoйное сознание неустанно призывало мальчика оставить позади все мысли о у зримых тайнах, ведь несомненно столь тяжкая участь могла постигнуть сей град, лишь в назидание за непокорность и признание пред Всевидящими Небожителями. И лишь только мысли об этом достигли сознания мальчика, так тут же поникло его детское озорство и любознательность, в смирении и подчинении он обратился на суд ведущего его рока, вопадая на счастливую карту, выпавшую на долю его дальнейшего пути. И дабы не предстать за своё невежество на суровый суд Богов, заглянувши в нечаянно раскрывшуюся, и долгое время надёжно таившуюся за непроходимыми частоколами гор тайну, мальчик теперь был обураем всего одной лишь мыслью. Как выбраться из сего окутанного загадкой места...

Когда сердце тебе подсказывает бежать, и ты бежишь, и тогда страх управляет тобой, и ты это чувствуешь, что страх управляет тобой, и от этого ты и бежишь, и от этого сердце тебе и подсказывает бежать. Но это ещё не то, это ещё не то, когда страх завладевает тобой, когда ты полностью погружаешься в его власть, ведь пока ты ещё можешь бежать, и ведь твоё сердце ещё может тебе подсказывать. Но бывает и по-другому, бывает так, что ты уже ничего и не можешь, и тогда ты уже ничего и не чувствуешь, и тогда ты уже ничего и не видишь, и о том что было тогда с тобой, потом, потом ты об этом ничего уже и не вспомнишь, а с тобой тогда был он, с тобой тогда был страх, и он тогда и был тобой, и вот как бывает, когда тобой завладевает страх. И это сейчас и происходило с мальчиком, и если спросить у мальчика, что с ним сейчас произошло, то мальчик и не найдёт, что на это ответить, и в этом и не стоит винить мальчика, ведь он всего лишь маленький мальчик, ведь он ещё так мало знает об этом мире, и ведь он ещё так мало пожил в этом мире. Но а страх, как раз таки страх то об этом мире знает всё, страх, он ведь видел этот мир, когда и сам этот мир был ещё маленьким мальчиком, и таких маленьких мальчиков, таких мальчиков, страх знал не одного.

И это всё ещё по-прежнему маленький мальчик. Но это уже и не он, от мальчика здесь уже ничего и не осталось, над всем здесь теперь управляет страх. И это уже страх, источает

желанием бес промедления выбраться из сего окутанного загадками мира. И это уже страх, осмотревшись, бросил свой взор к еле заметной тропе. И страху то сейчас всё равно, ему всё равно, чем для мальчика была эта тропа, и для страха уже всё равно, чем для мальчика станет эта тропа, и страху теперь всё равно, что станет с мальчиком на этой его тропе.

Ах, ах как же предостороживающе эта тропа таится среди неприветливых ветвей бранной хвои. И как же зло теперь ошетибилась эта хвоя, играя на солнце своими острыми иглами, и как же вожаденно теперь эти острые иглы желают вцепиться в дерзновенного малыша. И если бы мальчик только мог ведать, о той опасности, что скрывается от его взора, но тогда, тогда если бы он мог об этом ведать, тогда здесь бы не было место страху, но мальчик не о чём сейчас не ведаёт, и здесь сейчас и есть самое место страху. А страху, страху всё равно, страх живёт одним мгновением, для страха нет времени, всё чем живёт страх, всё это состоит в одном лишь мгновение, и что случится в это мгновение, об этом тоже ведаёт один только страх. И теперь, теперь страх завладел и мальчиком, и теперь, теперь и для мальчика, всё это не больше чем мгновение, а в этом мгновение, в этом мгновение, в нём скрывается целая вечность, и чем всё это закончится для мальчика, мгновением или вечностью, об этом сейчас знает только страх.

И теперь уже страх точно знает куда он поведёт мальчика, теперь перед ним уже прояснилось его следующее мгновение, и в этом мгновение, перед мальчиком теперь забрезжила в исполненном терпения ожидании целая вечность. И с присущим страху безразличием, он повёл подчинившегося ему мальчика к распахнувшейся пред ним призрачной надежде к избавлению от нависших над его обездоленным челом невзгод. И теперь-то уже мальчик и был предоставлен на растерзание злему року, сейчас, в каждом мгновение, для него и заключалась вечность, и бездумно бросив малыша, на проложенный тропой путь, страх всё дальше и дальше вёл его в затянутые тьмою лабиринты безвыходной неизбежности.

И нещадно теперь впивались в многострадальную плоть мальчика, назойливые, безжалостные иглы хвои. Растерзанные лохмотья, его обветшалой одежды, безвозвратно разрывались на трофеи, натужными ненасытными ветвями. И теперь, словно весь этот загадочный мир, в чьи владения попал мальчик, и частью которого ещё совсем недавно и был мальчик, нещадно отторгал его от себя, словно нежелательный элемент. И теперь то уже, этот мир, нетерпеливо требовал от малыша, будто бы в назидание за нечаянно открывшиеся его взору образы, тех тайн, чья участь навечно прозябать в забвенье, воздаяния кровавой платы, от несчастного осмелившегося не отвести свой взор, и в нависшем над ним заблуждении, жадно растворившем затворенную от счастливых непосвящённых дверь, чем и навлечь на себя страдания.

Бежать. Бежать, не останавливаясь. Пробираться несмотря не на что, сквозь колкие ветви хвои. Только бежать, обуздав тревогу и страх, завладевшие разумом, без усталости прокладывая свой путь, среди недружелюбных пенат, отвергнувшего мира.

И вот осиротели, в своих намерениях растерзать брненное тело мальчика, накучливые ветви. Нетленная хвоя отринула поодаль от тропы, словно смирившись с его неистовой непокорностью. А может и насытивши себя от невзгод и мук, нахлынувших на незавидную долю мальчика, или отчаявшись сломить в злоумышленных кознях, его не поддающуюся на коварные ухищрения волю, затерянный во времени мир, отступил от своих недобрых замыслов и разверзнув доселе непреодолимую, под без усталой защитой хвои, тропу, оставил малыша на произвол его судьбы. И тогда же оставил малыша на произвол его судьбы и страх, он прожил с ним, то самое своё мгновение, и теперь он отправился в поисках своего следующего мгновения, и в этом следующем мгновение, он снова постарается не упустить для себя вечности. Но а для малыша, для малыша, сейчас ещё не настало его мгновение, и вечность для малыша, она для него тоже ещё впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.